

Виктор Будаев.

**ЕГЭ:
ХОТЕЛИ КАК ЛУЧШЕ, А ПОЛУЧИЛОСЬ...**

Одной из основных примет 2009 года стал единый государственный экзамен (ЕГЭ), неожиданно для многих превратившийся из долгоиграющего эксперимента в объективную реальность, влияющую на судьбы миллионов выпускников школ и их родителей. По долгу службы (работаю деканом факультета математики в педагогическом университете) знаю проблему не понаслышке. Поделиться некоторыми впечатлениями для сайта попросил меня наш «рулевой» Слава Губочкин.

Начну издадалека. Все мы знаем, насколько упал престиж профессии учителя. «Падение» началось в наши школьные годы, если не раньше, и продолжается до сих пор. Учитель – одна из самых низкооплачиваемых и малопrestiжных профессий. Как следствие – в педагогические вузы уже несколько десятков лет идут поступать лишь те, кто не надеются поступить куда-либо еще, а также немногие мечтающие об учительском труде романтики. Уровень студентов педагогических вузов и, соответственно, уровень молодых учителей давно и упорно снижается. Какое-то время школа держалась за счет опытных учителей «старой закалки», но время сделало свое дело. Увы, сейчас в школах работает несметное количество людей случайных и малопрофессиональных.

Добавим к этому непродуманные реформы образования. Учтем и еще один немаловажный фактор: у нас (да и во многих других странах) одни и те же люди не только учат, но и оценивают знания. Фактически, учителя сами оценивают свою работу. Вот и получается: толково учить не можем, но поставить высокую оценку – это пожалуйста... В итоге имеем то, что имеем: небольшое количество (думаю, процентов 5) элитных школ, продолжающих вопреки всему давать хорошее образование (спасибо энтузиастам-учителям, энтузиастам-организаторам, спонсорам и т.д.), и огромное количество остальных школ, выдающих прекрасные аттестаты с пятерками-четверками и не дающих порой даже самого элементарного минимально необходимого уровня знаний и культуры.

С некоторой задержкой и не в таком масштабе, но явление это докатилось и до вузов. Если вузовский преподаватель год от года получает «на входе» все более слабых студентов, то ему требуется все больше сил, нервов, профессионализма и энтузиазма, чтобы «на выходе» подготовить грамотных специалистов. Ни моральных, ни материальных стимулов к этому он не имеет. Не удивительно, что многие преподаватели в какой-то момент пошли все по тому же пути: учить будем кое-как (в соответствии с зарплатой и уровнем подготовки «на входе»), а оценки поставим такие, как надо. Кроме того, в смутные 90-е многие «деятели» заметили, что и в вузе можно неплохо заработать (на зачислении «нужных» абитуриентов, на сборе денег за зачеты и экзамены), если взять дело в свои руки. Развилась коррупция. А главное, как грибы после дождя, стали возникать коммерческие вузики и вузишки (с громким названием «университет»), а также филиалишки известных вузов. Количество вузов в России уже превысило количество вузов, имевшихся во всем СССР, а количество бюджетных мест в вузах практически сравнялось с количеством выпускников школ.

Впрочем, ведущие университеты продолжают, вопреки всему, давать неплохое образование, а процент преподавателей, продолжающих честно и профессионально работать, достаточно высок. Но все познается в сравнении. Есть несколько организаций, составляющих весьма уважаемые рейтинги лучших вузов мира; рейтинги эти основаны на серьезных исследованиях и учитывают массу показателей. Так вот, ни в одном из этих рейтин-

гов среди первой сотни вузов нет **ни одного** российского (увы, даже наш любимый МГУ оказался за пределами сотни)!

Итак, наша система образования давно и тяжело больна. В качестве лекарства (или одного из лекарств) нам предлагают ЕГЭ. По задумке идеологов и организаторов ЕГЭ, должны решаться сразу несколько проблем. Я бы сформулировал их примерно так.

1. Функция оценивания знаний изымается у школ и органов образования и передается государству, что должно привести к большей объективности.

2. Обеспечивается единство требований по всей стране к выпускникам школ (а также к абитуриентам вузов).

3. Наносится удар по коррупции в образовании (поскольку подкупить безличное государство явно сложнее, чем конкретных людей в школе, вузе или РОНО).

4. Как следствие предыдущих пунктов, обеспечиваются реально равные права при поступлении в вуз для всех выпускников школ (как столичных, так и из глубинки).

5. Мы делаем еще один шаг в сторону сближения с западной системой образования.

6. В условиях переизбытка вузов и демографической «ямы» (сейчас в вузы поступают дети, рожденные в начале 90-х, когда мало кто решался заводить детей), не придется насильно закрывать слабые вузы: абитуриенты понесут документы в наиболее уважаемые вузы, а те, к кому абитуриенты не придут, исчезнут сами: учить-то будет некого.

Наверно, можно сформулировать все это иначе, но суть дела, я думаю, ясна. А теперь давайте поговорим о том, каким образом ЕГЭ решает (и решает ли) эти проблемы.

Общеизвестна истина: лечить надо причины болезни, а не ее симптомы. Что лечит ЕГЭ? Если вдуматься, то надо признать: отнюдь не причины.

ЕГЭ (как и любой экзамен) призван выяснить, получили ли ученики те знания, которые должны были получить. Напрашивается вопрос: какие знания они должны были получить? Как ни странно, ответа нет. До сих пор у нас в стране нет утвержденных Госстандартов среднего образования. Проекты есть, но утвержденных стандартов нет. С формальной точки зрения, ни один учитель в стране не знает, чему он должен научить детей. Так что же тогда проверяет ЕГЭ? Практически происходит подмена ценностей: вместо функции проверки знаний (или наряду с ней), ЕГЭ выполняет и функции законодателя мод (того самого Госстандарта). Учитель смотрит на варианты ЕГЭ, видит: ага, вот это есть, этому надо учить, а вот этого нет... Мало в ЕГЭ заданий по геометрии? Отлично, будем ей меньше уделять внимания. Результат, я вам скажу, не просто плачевен, но катастрофичен: за те несколько лет, которые существовал ЕГЭ (в виде эксперимента!), геометрия тихо-мирно почти испарилась из школы... Что же будет теперь, когда эксперимент стал законом?! А ведь именно геометрия учит детей рассуждать, доказывать, высказывать гипотезы и обосновывать их, - учит культуре мышления. Что теперь станет с этой культурой? Уже сейчас первокурсники математического (!) факультета поражают преподавателей тем, что не понимают разницы между определением и теоремой, между условием и утверждением теоремы; многие из них только в вузе с удивлением узнают, что теоремы надо доказывать. Это, повторяю, всего после нескольких лет эксперимента...

Если кому-то кажется, что я утрирую, поясню. Как бы кто ни относился к ЕГЭ, но нельзя спорить с тем, что ЕГЭ проводится в форме тестов. Тестовая форма проверки знаний имеет свою область применения. Тестом можно проверить знание фактов, знание формул, простейшие навыки в применении этих формул и фактов, но тест не проверяет (и не может проверить!) умение мыслить, рассуждать, доказывать, понимать закономерности. Ориентировать учителей *только* на тесты – значит, ориентировать их на обучение фактам, формулам, простейшим навыкам.

Наверно, мне могут возразить: ведь ЕГЭ по математике содержит часть «С», где требуется решить достаточно серьезные задачи и записать решения (а не просто ответ). Да, это так. Но даже в части «С» нет (и не может быть!) заданий типа «докажите...», «обоснуйте утверждение ...» и т.д. Более того: часть «С» составляет мизерную долю теста (в ней всего 3 задания), и «весит» она всего несколько баллов. Эти баллы важны лишь тем

школьникам, кто поступает в наиболее престижные вузы на математические (возможно, физические и технические) специальности. Остальным 95% процентам детей эти задания просто не нужны, они их даже не пытаются решать, и не готовятся к их решению. Значит, расслоение школ, о котором шла речь выше, продолжится и усилится. Будут элитные школы, готовящие в элитные вузы, и будет массовая школа, которая совершенно не будет учить детей думать.

Следующий момент. ЕГЭ удивительным образом совмещает в себе сразу две важнейших функции: выпускных школьных экзаменов и вступительных экзаменов в вуз. Вспомните себя 17-летних и скажите: хотелось бы вам, чтобы 2.5 часа экзамена по математике, в течение которых надо успеть решить в стрессовой ситуации несколько десятков заданий (да еще суметь правильно вписать ответы и свои данные именно в те клеточки, куда надо, и именно так, как надо), - хотелось бы вам, чтобы этот экзамен не только подводил итог десятилетнего обучения, но и определял вашу будущую судьбу на много лет вперед? А что, если перенервничали, не выспались или просто перепутали клеточки?

Нам говорят, что ЕГЭ приближает нас к западным образцам. Простите, но в тех же Штатах вузы заранее, с ноября-декабря, начинают поиск своих будущих студентов, а в Великобритании начинают этим заниматься чуть ли не за год до приема. Дети присылают заявки, вузы высылают им задания, дети отсылают их, ждут результатов... Ближе к лету, еще до получения аттестатов, выпускник уже знает, в какой вуз он зачислен. Окончание школы и поступление в вуз – два не связанных между собой процесса. Почему же у нас эти процессы слились в один?

Далее. По поводу единства требований, равных прав, борьбы с коррупцией... Один из обязательных ЕГЭ при поступлении в вуз – по русскому языку. Казалось бы, все правильно: для учебы в вузе надо знать государственный язык. Но давайте зададимся простым вопросом: кто заведомо лучше знает русский язык – школьник из среднерусского города, или же из горного аула в Дагестане (или, скажем, мордовской деревушки)? Ответ очевиден. Еще в прошлом году ситуация не была критической: знаешь язык достаточно, чтобы слушать лекции – получай зачет и сдавай профилирующие экзамены. Теперь не так. Дагестанский школьник заведомо получит более низкий балл за ЕГЭ по русскому языку, а значит, будет иметь заведомо меньше шансов на поступление в хороший вуз. Но учиться-то ему тоже хочется... Итог предсказуем. Все мы слышали, в каких регионах лучше всего сдали ЕГЭ по русскому языку. Аналогичная ситуация имеет место и с другими предметами. Убежден, что ЕГЭ не только не дает реального равенства абитуриентов, но, напротив, усиливает неравенство. А коррупция не только не побеждается, но переводится в более опасную плоскость. Она приобретает массовые черты, причем не на уровне школы или вуза, а на более высоком уровне. Я уж не говорю о том, что, проходя по университетскому дворику, теперь можно запросто услышать разговоры родителей: «а мой знакомый купил дочке 96 баллов, и правильно сделал: 100 баллов – подозрительно, а 96 в самый раз».

К этому же примыкает еще одна проблема. Всегда существовали категории лиц, зачисляемых в вуз вне конкурса: это так называемые льготники (сироты, инвалиды и т.д.). Так в принципе и должно быть. В нынешнем году эти категории сохранилась, но количество льготников по сравнению с предыдущими годами возросло в 3-4 раза! Приемные комиссии видят, что часть документов весьма смахивает на «липу», но... Оказывается, приемные комиссии *не имеют права* проверять подлинность представленных документов! Опять-таки, получается, что коррупция никуда не исчезла, только переместилась из вузов в медицинские учреждения.

Организационный вопрос. В таком важном деле, как выпуск из школы и поступление в вуз, крайне важно, чтобы все действующие лица заранее знали «правила игры». Что же получилось в этом году? Лишь в конце января (за 4 месяца до выпускных экзаменов!) были обнародованы новые правила. В феврале-марте в них вносились изменения. Много было неясного чуть ли не до самого последнего момента. Например, какой из ЕГЭ будет третьим при поступлении на тот или иной факультет. Два экзамена обязательны (русский

язык и математика), а вот третий – по выбору. Кто выбирает – абитуриент или вуз, долго было неясно. В итоге нам (факультету математики) пришлось выбирать из физики и информатики. Парадокс в том, что при любом выборе мы заведомо теряли часть «своих» абитуриентов: ведь далеко не все, кто интересуется математикой, собирались сдавать информатику (или, соответственно, физику). Мы выбрали информатику. Вряд ли надо объяснять, что в июле в приемную комиссию время от времени приходили дети с ЕГЭ по физике (но не информатике) на руках, и, озадаченные, уходили от нас ни с чем, в поисках вуза, где годится имеющийся у них набор ЕГЭ.

Еще один организационный вопрос. Вот уже несколько лет абитуриенты имеют право подавать документы не в один (как было когда-то), а в несколько вузов сразу (подаются копии аттестата, а подлинник сдается в последний момент в тот вуз, куда абитуриент будет реально зачислен). И это, безусловно, правильно. Если бы не очередное «но». До сих пор количество мест, куда абитуриент подает документы, естественным образом ограничивалось: ведь экзамены во всех вузах проводились в одни и те же сроки, и физически невозможно было успеть сдать экзамены более чем в 3-4 местах. Теперь экзаменов нет. Подать документы можно в любое количество вузов. У нас зафиксирован абитуриент, сдавший документы на 17 направлений и специальностей (это только в нашем вузе, а куда еще он обратился кроме нас – сие нам неведомо). Ходят легенды о рекордсменах, подавших документы в 200 с лишним мест! Приемные комиссии задыхаются от документов. Парадокс: количество выпускников школ мало как никогда, а количество заявлений в вузы выросло неимоверно! Но что нам делать с этими толпами абитуриентов, из которых большинство подали документы «просто так, на всякий случай», а реально учиться у нас собирается лишь малая часть? И как нам угадать, выделить эту небольшую часть «реально наших» абитуриентов, и как зачислить их, не нарушив при этом закона?

Зачисление проводится теперь в несколько этапов. Что творится в приемных комиссиях – не описать, это можно понять только «изнутри». Пример: обзваниваем абитуриентов. Звоним, говорим: у Вас большие шансы, приносите нам подлинник, и Вы почти наверняка будете зачислены. А он в ответ: мне в другом вузе сказали, что я уже зачислен, я понесу подлинник туда. Как, каким образом зачислен? Нельзя зачислять, не имея подлинника аттестата. Этот неведомый вуз просто нарушает закон. Но что в итоге? Нарушитель закона получит своего абитуриента, а мы – нет. Тезис о том, что, дескать, абитуриенты придут в самые сильные вузы, а слабые останутся без студентов, тоже оказывается сомнительным. Увы, порой со студентами окажутся самые «нахальные» вузы, а законопослушные патриархи, вроде нас, могут остаться не у дел.

Вот лишь малая часть проблем, вызванных к жизни ситуацией с ЕГЭ. Продолжать можно было бы долго.

Я далек от того, чтобы обвинять сторонников ЕГЭ во всех смертных грехах (как делают сейчас многие): в развале системы образования, оплаченном из-за бугра, и т.д. Не сомневаюсь, что намерения у них были самые благие. Хотели, действительно, как лучше. А вот что получилось? Наверно, это покажет время. Но ведь разрушать всегда проще, чем потом восстанавливать. Разрушив до основания старую советскую систему образования, сможем ли мы потом на ее руинах построить «новый мир»? И будет ли кому его строить?

Будаев В.Д.,

декан факультета математики Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор физ.-мат. наук, профессор